

СМЕХ И ПОЛИТИКА

До недавнего времени политика являлась едва ли не самым серьезным делом, которым когда-либо занимались люди, где шутки или веселый смех кажутся крайне неуместными. По-видимому, политическая власть была и остается единственной сферой деятельности, способной опереться на силу, чтобы избавить себя от насмешек. Тем не менее, смех и здесь присутствовал изначально, правда, в некотором специфическом качестве.

Политического противника во все времена стремились представить в смешном виде, тогда он становился не таким страшным и опасным. Не случайно Т. Гоббс видел в смехе проявление чувства превосходства. Однако по отношению к себе и своим функциям властители шуток не допускали. Еще в первобытных неполитических и раннеполитических структурах насмешка над традицией, богами, старейшинами, жрецами или иными носителями силы или власти могла стоить жизни. Миф о Ниобе, смеявшейся над Лето, матерью Артемиды и Аполлона, в ответ на насмешку поразивших своими стрелами все многочисленное потомство Ниобы, был серьезным предостережением смельчаку. Не случайно носитель божественной власти Зевс представлялся серьезным, неулыбчивым, обычно даже грозным, существом. Если он и смеялся, то в ситуациях, не связанных с реализацией властных функций. Однако, никто не рисковал представить Зевса в смешном виде, хотя по отношению к другим носителям силы и власти это допускалось. Достаточно вспомнить издевательскую рану, нанесенную Афиной богу войны Аресу «ниже живота», или невидимые путы, изготовленные Гефестом, в которых запутались Арес и Афродита, ставшие посмешищем всего Олимпа, разразившегося «гомерическим хохотом».

С изменением мировоззренческих идеалов, когда место Зевса занимает, например, христианский бог, ситуация принципиально не меняется. Бог-отец как носитель высшей власти также представляется неулыбчивым, как, впрочем, и Бог-сын. Не случайно нигде в Библии не сказано о смехе или даже улыбке Христа. Зато по отношению к дьяволу смех не только допустим, но даже является необходимым. Поэтому применительно к дьяволу, неудачно подражающего Богу, передразнивающему Бога, наиболее применим образ обезьяны, смешной копии человека, как бы передразнивающей его. Осмеянный дьявол уже не так страшен, его легче победить.

В рамках земной власти в эпоху средневековья насмешки допустимы по отношению к политическим противникам, что вменяется в качестве основной обязанности придворным шутам. Зато людям, которые насмешку, комедию и вообще лицедейство избрали профессией, достается и от властей, и от церкви. И если такой комедиант перед смертью не успеет покаяться в своей профессии, то рискует не только умереть без отпущения грехов, но и не быть похороненным по христианскому обычаю, что ставило его вне закона даже после смерти.

Идеалы Просвещения, поставившие под критический свет разума все сферы человеческой деятельности, в том числе политику и власть, сделали возможным и смех по отношению к ним.

Тоталитарные режимы задержали этот процесс, загнав смех над властью и политикой в подполье, где он продолжал существовать в виде особого смехового жанра – политического анекдота, который выполнял целый ряд важных функций. Среди них: реализация склонности к риску, способ позабавиться и скрасить унылость существования, возможность заявить относительно безопасный протест против действительности, своеобразный способ поиска «своих», знак доверия, награды и признания, способ испытания собеседника и др.

Важной функцией политического анекдота является его демистифицирующая функция, позволяющая снять налет мифа, святости на политической реальности, трезво взглянуть на политику и политических лидеров.

Существенной функцией политического анекдота, особенно в закрытых обществах, является трансляция настроений и чаяний управляемых навверх, в сферу управляющих.

Анекдот передает то, что не попадает в средства массовой информации, находящиеся под жестким контролем цензуры.

В открытых обществах политическими анекдотами нередко пользуются политики для создания определенного имиджа. Самый известный политик – рассказчик анекдотов американский президент Авраам Линкольн искусно отбирал анекдоты, которые представляли его таким, каким он хотел себя подать: грубоватым, добродушным, знающим жизнь.

Развитие и распространение демократии не только допустило смех в политику, но и сделало возможным его использование политиками к собственному благу. Многие политические деятели не боятся попасть в смешное положение, а некоторые из них ловко пользуются политической клоунадой, привлекая к себе внимание и, как ни странно, повышая свой рейтинг. Достаточно вспомнить одного из американских кандидатов в сенаторы, который в пылу предвыборной борьбы разъезжал на грузовике, размахивая огромной метлой, намекая, по-видимому, на то, что он выметет все плохое из своего штата. Этот клоунский ход обеспечил ему немалую популярность. А феномен российского политика В. Жириновского, часто специально ставящего себя в смешное положение, уже мало кого удивляет. Изобретательность иных политиков не знает границ. Так, депутат Национального собрания Кении К. Камуйю, однажды, взяв слово во время парламентских дебатов, вдруг громко залаял. Переждав минуту громового хохота, он объяснил, что лай был единственным способом заставить себя слушать, ибо обычно коллеги и не вслушиваются, и не вдумываются в речи друг друга.

Смешные ситуации в политике используются политиками как минимум в четырех планах. Во-первых, для того, чтобы показать, что кандидат или претендент такой же человек, как и все. Это создает ему имидж человека из народа, понимающего нужды обычного среднего человека.

Во-вторых, смешные ситуации в политике привлекают к ней аполитичных людей, что в условиях падения интереса к политике чрезвычайно важно. В постсоветских республиках смешные ситуации в политике напрямую связывают с падением влияния коммунистов. Подразумевается, что необычные, в том числе смешные, ситуации в политике привлекают к ней внимание молодежи, деловых людей и других слоев населения, обычно не интересующихся политикой. Их участие в выборах и других политических акциях на стороне некоммунистических сил приводит к относительному уменьшению числа голосов того электората, который активно участвует в выборах по старой памяти и чаще голосует за коммунистов, например, пенсионеров, сельских жителей старшего возраста и т.д.

В-третьих, для публичного политика часто важно не столько то, что и как он делает, сколько то, что и как он говорит. Поэтому имиджмейкеры стараются сделать их говорение зрелищным, ярким. В этом отношении политик с чувством юмора, умеющий развеселить аудиторию, имеет явное преимущество.

В-четвертых, политик-пессимист или политик, дающий пессимистический прогноз, как подсчитали политологи, проигрывает в 9 случаях из 10. Следовательно, оптимистически настроенный претендент, демонстрирующий свой оптимизм частыми улыбками и жизнерадостным смехом, имеет преимущество перед пессимистом.

Развитие демократии, снявшее юридические препятствия для смеха в политике, оставило моральные преграды, которые, впрочем, также нередко нарушаются, когда осмеянию подвергаются даже общечеловеческие гуманистические идеалы. И хотя запретных тем для смеха быть не должно, безграничным смех быть также не должен. Если же смех нарушает известные границы, если юмор переходит в издевательство, то это свидетельство определенной болезни народа, возможно, его нравственной деградации.